

что черт, по замыслу автора, обречен на вечное противоречие (без его, Кантовского, примирения), что для него бог и бессмертие одновременно и существуют и не существуют?

Что это значит, читатель? У Достоевского это значит многое. Ибо это не только высказывание черта, но и Мити, и Зосимы, и Ивана, и... самого автора.

Х

«БЕЗДНЫ» и «ПРАВДЫ» РОМАНА

Не обратил ли читатель внимание на странные двойцы-диады, по поводу которых философствуют герои романа: на две бездны Мити, провозглашенные самим Митей и Ракитиным и повторенные прокурором, — как на две бездны натур Карамазовских, способных созерцать их разом: на бездну над ними — бездну высших идеалов, и бездну под ними — бездну самого низменного и зловонного падения — две бездны в один и тот же момент.

Не обратил ли читатель внимание на такие же две бездны — бездны веры и неверия, созерцаемые также в один и тот же момент отцами-пустынниками? ¹

Не обратил ли читатель внимание также на две правды старца Зосимы — земную правду и правду вечную, которые соприкасаются и из которых одна совершается на глазах другой? ²

Или же, на уже упомянутые, — две правды черта: правду здешнюю, известную черту, и правду тамошнюю, ему пока не известную, причем неизвестно, которая из них будет почище ³.

¹ 9, 138—139; 10, 174, 243.

² 9, 365.

³ 10, 178.

Две бездны и две правды у автора здесь — понятия тождественные, так как «бездна веры» и есть «правда вечная», или «тамошняя», а «бездна неверия» и есть «правда земная», или «здешняя», т. е. перед нами опять-таки уже по-иному костюмированные, давно нам знакомые герои — Тезис и Антитезис, только уже как мир трансцендентный — потусторонний и как мир имманентный — посюсторонний. Здесь уже нет никаких «или», нет выбора.

Здесь утверждается двоемирие, как существование противоположностей, одновременно и в их раздельности и в их единстве: оба мира соприкасаются, оба созерцаемы в один и тот же момент, один мир переходит в другой.

Само собой понятно, что из такого понимания мира мог быть сделан только один вывод: мир есть осуществленное противоречие. Сделал ли его автор или кто-либо из героев романа — так сказать, под шепот из суфлерской будки автора? Такой вопрос не может не задать читатель.

И окажется, что этот вывод сделан, но сделал его не юный мыслитель Иван, а немyslитель Митя, причем сделал бессознательно, по инстинкту, так сказать, в простоте душевной, ибо «тайну мира божьего постигают, не имея ума», — как это высказал старец Зосима.

Митя, «не имея ума», постиг по инстинкту секрет антиномий, т. е. все лукавство Кантовой естественной иллюзии разума о якобы неустранимости противоречия между тезисом и антитезисом.

В действительности, неустранимое противоречие разрешается у Канта тем, что оба противоположные решения принимаются одновременно, ибо свобода совместима с необходимостью, смерть — с бессмертием, независимое существо — с естественным законом — (бог — с природой). Точно так же разрешается противоречие и у Мити, ибо обе бездны созерцаются одновременно, ибо идеал Мадонны совместим с идеалом содомским, насекомое сладострастия — с ангелом, гимн — с позором и вонью, подлость — с благородством, секрет — с тайной.

Поэтому Митя и заявляет о себе неоднократно — и Алеше, и следственным властям, и на суде, что хотя он и низок желаниями и низость любит, но не бесче-

стен, что хотя он подлец, но не вор и даже благороден. Поэтому Митя умеет и ненавидя любить («Я тебя и ненавидя любил, а ты меня — нет!» — говорит он Кате⁴; впрочем и у Кати «любовь походила не на любовь, а на мщение»⁵). Поэтому Митя, хотя и идет за чертом, но одновременно он восклицает: «Я и твой сын, господи!»⁶

Вот почему даже Ракитин, а за ним и прокурор, характеризуя Митю, заявили, что «ощущение низости падения так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства, (...) им нужна эта неестественная смесь постоянно и непрерывно. Две бездны, две бездны (...) в один и тот же момент»⁷.

Для Ракитина, олицетворенного антитезиса, единовременное принятие тезиса и антитезиса в один и тот же момент есть «неестественная смесь». Такое принятие ему непонятно, как непонятны были Мефистофелю «две души» Фауста.

Для Мити же это принятие не требует вовсе понимания. Понимать надо Ивану, понимать надо черту, ибо пока Иван-черт не сможет понять, зачем необходим «минус», до тех пор для него будут существовать две несовместимые правды и он будет стоять за антитезис.

Мите же понимать не надо: для него единовременное принятие двух бездн есть нечто естественное, нечто такое, что Митя чувствует, что в самом Мите сидит, что сам Митя есть.

В нем, как и во всем мире, сочетаются воедино и единовременно оба начала в одном и том же акте: «вонь и позор», «свет и радость». «Свет и радость!» — это тот же «гимн». «И в самом этом позоре вдруг начинается гимн!» — восклицает восторженно Митя.

Мир и человек — это какое-то сосуществование, и переход друг в друга, и единство противоположностей: «Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут»⁸.

⁴ 10, 230.

⁵ 10, 232.

⁶ 9, 137.

⁷ 10, 243.

⁸ 9, 138.

Насекомое сладострастья с его вонью и позором и ангел с его радостью, «гимном» и «осанной» живут в человеке, в Мите, как идеал содомский и идеал мадонны. И вовсе не в том соль, что «иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским», а именно в том соль, что иной «уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны» — в один и тот же момент принимает оба полюса: и тезис и антитезис.

Подобно тому, как в лице Ивана автор представил антиномии как неразрешимое противоречие, так в лице Мити он эти антиномии представил разрешенными — в форме осуществленного противоречия, в двойном аспекте умозрения и чувственности: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой». Но это не Кантово разрешение. Не в аспекте критической философии разрешается Митей проблема.

Да и сама красота есть также осуществленное противоречие, страшная и ужасная вещь, потому что сама красота неопределима и таинственна, и даже для большинства людей красота сидит в Содоме. И это понимание красоты как осуществленного противоречия, как эстетической категории трагического завершается изречением, которое могло бы служить девизом всего романа и творчества Достоевского:

«— Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей»⁹.

Или, если перевести на Кантовский словарь: «Тут Антитезис с Тезисом борется, а поле битвы — роман Достоевского».

Но и Иван признает, что «нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит и без них, может быть, в нем самом ничего бы и не произошло»¹⁰, т. е. не было бы тех самых происшествий, для которых нужен необходимый «минус» — критика черта: без происшествий не было бы и жизни¹¹.

⁹ 9, 139.

¹⁰ 9, 305.

¹¹ Читатель, кстати, помнит, что Иван, будучи студентом, бежал по Москве и собирал «происшествия» — сплетни для газет и журналов, т. е. был хроникером. Таков второй план в сарказме Достоевского.

В этом признании Ивана, как и в исповеди черта-критика, несмотря на весь сарказм автора, скрыто утверждение того же противоречия, как основы жизни, которое провозглашал и Митя. Ведь для того, чтобы были происшествия, т. е. чтобы была жизнь, черт «творит неразумное по приказу». Неразумное по приказу черта и есть «нелепости» Ивана, на которых мир стоит, и есть осуществленное противоречие двух бездн Мити, названное Иваном «бесовским хаосом».

Но для Ивана это противоречие двоемирия — бесовский хаос. Совсем по-иному двоемирие представляется старцу Зосиме: для него «мимо идущий лик земной» и «вечная истина» соприкасаются. Перед правдой земной совершается действие вечной правды¹². Формально дуализм старца Зосимы — это тот же дуализм, что и дуализм двух правд черта, дуализм трансцендентного и имманентного мира в понимании этих терминов Кантом: мира «вещей в себе» и мира явлений. Но в итоге дуализм старца Зосимы есть, по сути, преодоленный дуализм Канта, так как мир потусторонний и мир посюсторонний не делимы: они соприкасаются, объединены, один переходит в другой, горе снова сменяется радостью.

К старцу Зосиме и к его истине идет не только Алеша, но, по воле автора, должен придти и Митя, как тот воскресший человек, который тайно заключен внутри Мити и должен победить. К истине старца Зосимы хочет привести автор и Ивана — после его выздоровления от белой горячки. К ней также, по мнению Алеши, придет и Иван, если «бог и правда его победят в Иване». Только этой победе мешает пока «секрет черта».

То, что Достоевский такое разрешение проблемы вложил в уста старцу Зосиме, черту, Мите и отчасти Ивану, подсказывает читателю, что так был бы не прочь разрешить проблему и сам автор.

Что это именно так, что не в тезисе видел Достоевский ответ, что Зосима-Алеша, как персонифицированный тезис, только теоретическое желание автора

¹² Символом этой земной извечной правды предстает библейский Иов — страдающий и вновь радующийся. В его судьбе усматривает Зосима тайну человеческой жизни.

найти здесь выход, его самоубеждение, а не убеждение — лучшим аргументом этому служит судьба другого морального олицетворения тезиса, правдолюбца и человеколюбца — князя Мышкина в романе «Идиот». Если Ивана довел до сумасшествия антитезис, то князя Мышкина довел до сумасшествия и идиотизма тезис¹³. Значит, не в тезисе разрешение.

Исходная точка зрения Канта есть предпосылка о двоимирии, которую Кант хотя и объявляет иллюзией, но тем не менее оставляет в разуме человеческом как иллюзию для него неизбежную, пребывающую в нем даже тогда, когда она диалектически устранена.

Иллюзия непримиримого двоимирия осталась и в романе даже тогда, когда Достоевский попытался устранить ее принятием тезиса в лице Зосимы-Алеши и затем примирением двоимирия в лице того же старца Зосимы. Для спасения от вечного колебания на коромысле антиномии автору не оставалось ничего иного, как принять эту иллюзию за реальность, как принять противоречие двоимирия в лице Мити и провозгласить смысл жизни в осуществленном противоречии.

Тут не в тезисе или антитезисе суть, а в их вечном поединке, который и есть для Мити сочетание секрета с тайной, который и раскрывает ему жизнь, как трагическую inferнальную красоту. Суть в битве, а не в победе той или другой стороны, суть в вечной титаномахии — в борьбе. И титаническая душа Мити восторженно приветствует и принимает эту жизнь.

Для Ивана вся исповедь Мити — дуализм, превращающий поневоле мир в «бесовский хаос», нестерпимый для разума, потому что Ивану, абсолютисту, нужна не вечная битва, как Мите, а победа и при этом победа окончательная.

Иван, юный мыслитель, видел единственный путь к победе в гордом мужестве абсолютного атеиста, грядущего человеко-бога, вооруженного наукой перед лицом страшного вакуума природы, причем он совершенно опустил другое, столь же могучее оружие

¹³ Впрочем, даже Алеша признается, что и в нем живет карамазовщина, «две бездны» Мити, что он тоже Карамазов, но он на низшей ступени: «Я монах. (...) А я в бога-то вот, может быть, и не верую» (9, 277).

человека, известное автору, — искусство: ибо где человек погибает в истине, там он спасается красотой.

Но автор с помощью Канта или символического критика черта, т. е. с помощью окарикатуренной критической философии, которая водит Ивана попеременно от неверия к вере и обратно, — закрыл этот путь Ивану, как смысл и цель жизни: он заставил его бесцельно качаться на коромысле антиномий между религией и наукой.

В тайне сердца Иван, по словам черта, подобно иным отцам пустынножителям, хотел бы созерцать в один и тот же момент бездны веры и неверия, хотел бы, как Митя, принять сердцем противоречие бытия, без понимания этого бытия — хотел бы, но не смог: он мыслитель-теоретик.

В этом «не смог», в этой бессилии Ивана скрыт, по существу, сарказм Достоевского над скептической философией, над «Критикой чистого разума», над Кантом, который явно прозвучал в утверждении черта, что без критики не будет сомнения, а без сомнения не будет и «происшествий». Сбитый с толку Кантом, «критик» Иван Карамазов потерял все начала и концы; и вот, проходя через горнило сомнений, он в итоге объявляет «нелепости» основой мира и делается жертвой «белой горячки».

Иван потерял разум.

XI

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ СЕКРЕТ

Автор выдал читателю свою авторскую тайну и теперь читателю остается последнее — рассекретить до конца тот последний секрет, который остался засекреченным для черта.

Оказывается, окончательный «секрет черта» вовсе не в том, что бога и бессмертия нет. «Секрет черта» в